

УДК 1(091)(430)

ББК 11.25

Ф36

Дизайн серии *Ивана Ковригина*

Дизайн обложки *Дмитрия Агапонова*

В оформлении переплета использовано фото из архива Shutterstock

Перевод с немецкого *Ю. Антоновского, С. Бессонова*

Составление, предисловие, комментарии
профессора РГГУ и ВлГУ *А.В. Маркова*

Фейербах, Людвиг Андреас

Ф36 Стремление к счастью / Людвиг Андреас Фейербах; пер. с немецкого Ю. Антоновского, С. Бессонова; сост., предисл., коммент. к текстам Александра Маркова. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 320 с. – (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-120261-3

Людвиг Фейербах – великий и спорный немецкий философ XIX века. Его концепция, согласно которой христианство – не религия, а форма сознания человека и человечества в целом, поразила современников. Фейербах призывал отказаться от иллюзий, но не впадать в пессимизм, а наоборот, понимать, что сама природа устроена так, чтобы дать каждому из нас счастье.

Вся система ученого построена на понятии «сознание»: по-настоящему сознательный индивидуум не нуждается ни в религии, ни в устаревшей традиции, а сам создает счастье для себя и других. Хотя Фейербах говорил о личном счастье, он создавал своеобразное учение об обществе как союзе разных людей, готовых беречь не только общее достоиние, но и чувства друг друга. Влияние Фейербаха испытали на себе самые разные мыслители: от Карла Маркса, увидевшего в нем главное звено между идеалистическим Гегелем и историческим материализмом, до религиозных мыслителей, заметивших в его атеизме отблески нового богословия. Мысли Фейербаха звучат неожиданно актуально – но всегда актуальны поиски себя, смысла жизни, всего высокого, что есть в нашем мире.

УДК 1(091)(430)

ББК 11.25

ISBN 978-5-17-120261-3

© А.В. Марков, составление,
предисловие, комментарии, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Философ естественного счастья

Людвиг Андреас фон Фейербах родился 28 июля 1804 года на юге Германии, в Баварии. Его отец, Пауль Иоганн Ансельм фон Фейербах, был доктором права, криминологом, составителем уголовного кодекса этого независимого тогда немецкого государства. Он являлся первым теоретиком закона «психического принуждения» – считал, что если законодательство станет достаточно грозным, подробным и разработанным до мелочей, то люди просто будут бояться нарушать законы, опасаясь неотвратимого наказания. Конечно, на практике даже самая подробная регламентация еще не разрушала мотивы правонарушений у всех, но Фейербах-старший полагал, что тюрьмы и аресты просто помешают людям совершать новые преступления, а там уже и все привыкнут к безопасности, станут помогать предотвращать чужие злодеяния.

Отец Фейербаха также много сделал для возникновения такого жанра литературы как детектив. Он подробно пересказывал криминальные истории, звучавшие во время судебных заседаний, со всеми кошмарными подробностями, и хотя сам был убежден, что просто исследует, откуда берется злонамеренность и жестокость преступников, его книгами зачитывались любители сенсаций.

Умер прославленный юрист при неясных обстоятельствах. Он расследовал дело найденщика Каспара Хаузера, странного юноши-бродяги, не умевшего говорить, а только писавшего бессвязные фразы и рисовавшего прекрасные цветы. Фейербах-старший предположил, что это может быть принц, незаконно отстраненный от престола и всю жизнь проживший в заключении, не видя ни одного человека. И Каспар Хаузер, и следователь, судя по всему, были отравлены.

Мать Фейербаха, Ева-Вильгельмина Тростер, происходила из знатного, хотя и обедневшего рода. У Людвигу было четверо братьев и трое сестер. Все они были талантливыми личностями. Их дарования проявились в музыкальной, живописной, писательской, научной областях. Так, Карл стал крупным математиком, а Фридрих – специалистом по Индии и переводчиком.

Людвиг учился в школе в Мюнхене. Тогда он познакомился с философом Фридрихом Генрихом Якоби, который не принадлежал к мыслителям первого ряда, но для развития немецкой философии сделал, возможно, даже больше, чем они. Полемизируя с Кантом и Фихте, он сделал их известными во всех германских землях, а выступая с публичными лекциями, он заставил образованных немцев регулярно знакомиться с новинками философии.

Также Фейербах познакомился с Фридрихом Тиршем, крупнейшим антиковедом, реформатором школьного образования в Германии, поэтом и знатоком Платона.

Но больше всего нашего юного мыслителя интересовало богословие — он хотел проникнуть в тайны божественной жизни, даже брал уроки иврита у местного раввина, чтобы читать Библию в оригинале. Его наставником в университете стал Карл Дауб, теолог, которого иногда за переменчивость взглядов называли «Талейраном от религии». Он то защищал классическую догматику Лютера, где не хотел менять ни единой буквы, то говорил, что в вере сердце важнее, чем ум, то допускал правоту любого религиозного чувства, то, наоборот, пытался дать толкование Библии, решающее все научные вопросы. Молодой Фейербах был несколько разочарован своим учителем: велика ли ценность веры, если каждый год можно менять свою позицию?

Первую свою работу, «Мысли о смерти и бессмертии», он написал еще на студенческой скамье и выпустил в 1830 году. Это был бурный год: во Франции вспыхнула революция и сразу перекинулась на Германию. Но в обеих странах революционные выступления были вскоре подавлены, а книга Фейербаха конфискована как подрывающая основы религии. Сам он попал под надзор полиции, и чтобы оправдаться в глазах властей, написал несколько новых произведений, в том числе труд по этике в виде вымышленного диалога Абеяра и Элоизы и «Историю современной философии» от Бэкона до Спинозы. Канон современной, или, как мы говорим, новоевропейской философии, в котором обязательными стали Бэкон, Декарт и Спиноза, как раз был сформирован Якоби и подтвержден в лекциях Гегеля, а альтернативные каноны, где в центре стояли, например, схоластические богословы того же времени, вышли из употребления.

Написанная Фейербахом «История философии» привлекла внимание гегельянцев: они пригласили молодого мыслителя сотрудничать в их

журнал. Он стал сражаться с оппонентами этого направления, не щадя даже тех, кто был в фаворе у тогдашней реакционной власти. Понятно, что в журнале его полемические работы не могли напечатать целиком, тем более, не все гегельянцы одобряли тогдашний чрезмерный идеализм Фейербаха, его веру в то, что с помощью логики и диалектики можно ответить на все вопросы. Поэтому он выпустил на собственные средства учебник по философии, где кратко и ясно объяснил свою позицию.

В университете Фейербах проработал недолго, уже зимой 1835 года он оставил преподавание в Эрлангене и переселился в деревню в округ Брукберг к своей возлюбленной Берте, владелице фарфорового завода, находившегося в охотничьем домике. Хотя это предприятие не давало большой прибыли, но благодаря регулярным заказам можно было пережить годы экономического кризиса. В 1837 году они поженились, в 1839 году у них родилась первая дочь, а через три года – вторая, умершая во младенчестве. Годы беззаботной сельской жизни очень помогли Фейербаху в философских размышлениях: как признавался сам мыслитель, во время прогулок и скромных трапез он и нашел ту «точку Архимеда», с которой и можно было перевернуть всю предшествующую философию.

Но Фейербах понимал: его выводы прозвучат убедительно, лишь если будут учитывать достижения новейшего естествознания, а для этого нужно возобновить общение с учеными. Сначала он выпустил второй том своей истории философии, посвященный Лейбницу и его теории монад – в классике Фейербах увидел соединение высшего интереса с конкретными достижениями в точных и естественных науках. Также он выписывал и читал множество книг, писал рецензии, в 1838 году опубликовал труд «Критика позитивной философии», в которой доказывал, что нельзя строить все науки по образцу естествознания, а через год – «Критику гегелевской философии», где, в частности, выступал против прочтения Гегеля как традиционного теолога. Он здесь полемизировал сразу с двумя позициями: с тогдашними политическими реакционерами, видевшими христианство исключительно в качестве современной государственной религии, и с их противниками, считавшими, что оно устарело и превратилось исключительно в частное дело отдельных верующих, тогда как достоверное знание дает только наука.

Итогом размышлений Фейербаха стал труд «Сущность христианства» (1841). Эта книга потрясла всех образованных читателей: множество рецензий, дискуссий, возмущений и одобрений сопровождали ее появление. О ней

спорили в гостиных, министерствах и кулуарах театров. Автор подробно отвечал своим противникам, гегельянцы помогали ему обойти цензуру, хотя было видно, что его позиция уже не укладывается в гегельянство.

Фейербах в то время опять преподавал, и свои мысли о реформе философии, которые не пропускала цензура, он использовал в лекциях, обособивая «философию будущего». Чтобы уменьшить нападки на себя, наш мыслитель написал исследование о Лютере, где доказывал, что уже великий реформатор, осознающий христианство как то, что совершается здесь и сейчас, как подвиг веры, был близок к его позиции: философскому пониманию христианства как судьбы современного человека, а не как традиционной религии.

«Сущность христианства» сделала Фейербаха знаменитостью, он часто ездил в Гейдельберг, общался в этом городе с тогдашними молодыми материалистами. Там он останавливался у своего друга Кристиана Каппа и чуть не испортил себе карьеру: ему с большим трудом удалось скрыть любовную связь с шестнадцатилетней дочерью Каппа, едва не закончившуюся беременностью. Также он часто навещал мать в Нюрнберге, где тоже нашел единомышленников, а у себя в Брукберге подружился с журналистом Германом Криге, сотрудником Карла Маркса и Фридриха Энгельса (позднее эмигрировавшим в США). Тот всячески убеждал Фейербаха пойти из философии в политику. А в конце 1843 года сам Маркс предложил ему переехать в Париж и редактировать немецкие революционные издания, но Фейербах не согласился так круто изменить свою судьбу. В целом же, он внимательно наблюдал за деятельностью Маркса и других левых мыслителей, сотрудничал с германской оппозиционной прессой, например с кельнской «Рейнской газетой», которую Маркс редактировал до эмиграции в Париж в октябре 1843 года.

Фейербах писал каждый день и очень много. В 1845 году начало выходить его собрание сочинений. К 1866 году оно уже насчитывало 10 огромных томов. При этом мыслитель перерабатывал и дополнял свои ранние работы. Хотя он не стал таким деятельным политиком, как Маркс, но все же принимал участие в гражданских делах. Во время «весны народов», революционных событий во всей Европе в 1848 году, он баллотировался в Национальное собрание Франкфурта, хотя не набрал нужного количества голосов. Участием в политике он хотел поправить свое финансовое положение — фарфоровый завод его жены разорился. При этом во Франкфурте он почувствовал вкус

к левой политической деятельности, часто выступал публично, стал рассуждать о смысле парламентаризма и о том, как можно проводить реформы.

Когда волнения пошли на спад, философ вернулся к научной и преподавательской деятельности. Осенью этого же года он читал лекции в Гейдельберге: желающих его послушать было так много, что ни одна университетская аудитория не могла бы их вместить, пришлось собирать их в ратуше. Среди аудитории Фейербаха были даже разнорабочие и мелкие ремесленники. Он окончательно отошел от политической жизни весной 1849 года, когда понял, что реакция победила. Вернулся в Брукберг, решив заняться только научной работой.

Но и сюда, в Брукберг, стали со всех концов Германии съезжаться единомышленники и почитатели философа, они арендовали там дома и приходили к нему на обед. Фейербах стал преподавать, совмещая занятия с прогулками по окрестностям. Власти считали, что он собрал вокруг себя заговорщиков, и в деревне даже был открыт пост жандармерии, для надзора за всеми жителями и приезжими. Раздраженный ежедневным надзором, философ попытался эмигрировать с семьей в США, но у него не нашлось для этого достаточно средств. Он публиковал отдельные статьи. Публика, кстати, не всегда читала их внимательно. Например, ему было приписано выражение «Человек есть то, что он ест», хотя это не его тезис, а пересказ учения материалиста Молешотта. Из-за свирепой цензуры имя нашего мыслителя перестало появляться в газетах и журналах, некоторые даже думали, что он умер. Но он продолжал заниматься сравнительным религиоведением.

В 1859 году Фейербахи были вынуждены продать фарфоровый завод в счет долгов. Философ стал искать новый дом и смог его купить лишь благодаря тому, что его ученики и почитатели объявили сбор. Среди читателей работ мыслителя были промышленники и банкиры. Они не только выплатили его долги, но даже назначили ему ежемесячную пенсию. На новом месте Фейербаху было трудно: дом был маленький, неудобный, ландшафт вокруг не вдохновлял на новые книги. Он писал уже от случая к случаю, хотя и на такие важные темы как свобода воли.

В 1866 году, после Австро-прусской войны, возникает объединенная под началом Бисмарка Германия. Фейербах не любил этого канцлера с его жесткой политикой «железа и крови». Он возлагал надежды на марксизм, но вместе с тем считал, что европейский пролетариат еще слишком слаб, чтобы взять власть во всей Европе. Поэтому он полагал: нужно развивать

женское движение и брать пример с американцев, у которых женщины, африканцы, все недавно угнетенные, создают ассоциации, способные быстро добиваться политических целей. С этим не соглашался Маркс, ведь для него политическая деятельность была делом не доброй воли, но общей экономической необходимости.

В 1867 году Фейербах пережил небольшой инсульт. Один австрийский фермер пригласил его к себе, в Альпы, и горный воздух помог ему быстро поправиться. После этого философ писал в основном моральные афоризмы, которые он считал заготовкой для будущего труда о свободе воли. Но этой работе не было суждено появиться на свет, очерки философа об эвдемонизме и о природе государства не приняли окончательную форму. 20 июля 1870 года, из-за неприятных впечатлений от начала Франко-прусской войны, которая, как он считал, заканчивается диктатурой, с ним случился второй, более сильный инсульт. Больше Фейербах не возвращался к писательскому труду.

В последние годы жизни философа очень ценившие его левые политики Карл Либкнехт и Август Бебель, создатели Социал-демократической рабочей партии, объявили в партийной газете сбор денег для него и его семьи, так что она не нуждалась после кончины Фейербаха. Он умер 13 сентября 1872 года и был похоронен в Нюрнберге на средства социал-демократов при большом стечении народа. Позднее на месте дома, где он жил во время работы в этом городе, был разбит парк, полностью посвященный ему.

Главный труд Фейербаха, «Сущность христианства», несколько раз переводили на русский язык. Мы взяли перевод Ю.М. Антоновского, исправив явные опечатки, модернизировав пунктуацию и в нескольких местах дав уточнения в угловых скобках по немецкому тексту. Этот перевод литературно хорош, но в некоторых случаях неточен, поэтому все неточности или варианты перевода мы оговариваем в комментариях. Более поздние сочинения мы приводим в весьма точном переводе С. Бессонова. Немецкий оригинал мы смотрели по изданию, доступному в российских библиотеках: Ludwig Feuerbach: Gesammelte Werke. / Hrsg. von Werner Schuffenhauer, Berlin: Akademie Verlag, 1967.

Комментаторский труд посвящаю безупречному филологу Татьяне Вячеславовне Зверевой.

Сущность христианства

Перевод *Ю. Антоновского*

Людви́г Фейерба́х разочаровался в традиционном христианстве еще в студенческие годы: считал, что оно тешит человека иллюзией бессмертия, в то время как прогресс естественных наук доказывает, что все телесное смертно и бессмертным никогда стать не сможет. Кроме того, философу не нравилась идея лично́го Бога: ведь получается, что тогда с этим Богом можно договориться «по-человечески», как человек с человеком, а это сразу обесценивает и Бога, и человека, превращая их в каких-то участников сделки. Молодому Фейербаху было ближе всего учение Спинозы, считавшего, что Бог может быть найден в любой вещи, если она становится предметом нашего самого высокого интеллектуального внимания. Но потом он внимательно перечитал Гегеля и дополнил тезисы Спинозы диалектикой, то есть учением о развитии бытия благодаря необходимому противоречию. Бог и человек — такое противоречие. Но если у Гегеля развитие идет сверху, абсолютный дух воплощается в бытии, то у Фейербаха — снизу. Человек, будучи животным, продуктом эволюции, мыслит Бога, мыслит бесконечность и тем самым создает Бога. Бог становится тогда равен человеку, и человек, познавая Его, познавая идеалы, тем самым созидает себя. Религии лишь сбивают с толку, наделяя Бога или богов какими-то частными свойствами, в то время как Бог обладает одним свойством — просто быть человечеством. Фейербах был противником грубого атеизма, объявлявшего Бога корыстной выдумкой, его Бог — это, наоборот, все лучшее в человеке, обретение идеалов на пути совершенства, когда человек поймет, что Бог — это просто он сам, и перестанет нуждаться и в религии, и в политике. Но путь к этому непрост: для Фейербаха это был вопрос сознания: поняв свою «родовую сущность», иначе говоря, единство человечества, люди прекратят войны. Постижению этого должна была содействовать книга нашего философа, и сейчас, перейдя к ее чтению, мы сможем сказать, как именно она работает.

Предисловие к первому изданию

Рассеянные в различных трудах, большею частью только случайные, полемические и афористические мысли автора по поводу религии и христианства, теологии и спекулятивной философии сконцентрированы в предлагаемой книге, причем они обстоятельно обработаны, обоснованы, исправлены, частью сокращены, частью дополнены, но ни в коем случае вполне не исчерпаны уже по одному тому, что автор, не любящий общих мест, старался, как и во всех своих трудах, не уклоняться от совершенно определенной темы.

Спекулятивная философия – «созерцательная», «умозрительная», исходящая из общих умственных предпосылок, а не из опыта, ориентирующаяся на интеллектуальную интуицию, а не на данные чувств.

Предлагаемое сочинение заключает в себе критические элементы для философии позитивной религии, или откровения, но, как и следовало ожидать, философии религии не в ребячески-фантастическом смысле нашей христианской мифологии, принимающей за факт каждую нелепую историческую сказку, и не в педантическом смысле нашего умозрительного богословия, которое, подобно схоластике, считает логически-метафизической истиной каждый *articulus fidei*.

Христианская мифология – ко времени Фейербаха общим представлением большинства образованных немцев, включая многих богословов и пасторов, было то, что христианство имеет вечный смысл как нравственное учение. При этом, как полагали они, значительная часть содержания Ветхого и Нового Заветов мифологична, содержит

сюжеты (например, об обстоятельствах рождения Иисуса или о совершаемых им чудесах), необходимые только для того, чтобы объяснить простым верующим природу Бога и нравственные истины, но образованному человеку они не требуются, для него это фольклор. Сторонники такой позиции могли быть вполне глубоко верующими. Но именно потому, что для них Бог был абсолютно всемогущ и всезнающ, чудеса и чудесные истории представлялись им не столь нужными, они иллюстрировали всемогущество Бога для слишком поэтически мыслящих простых людей, тогда как сейчас, как были убеждены такие люди, можно говорить о Боге на языке чистых философских понятий без всяких мифов. Также к мифологии относили весь легендарный материал христианской истории, скажем, все жития древних святых, как не обладающие достаточной исторической достоверностью. Это положение о различии между объективным содержанием веры и популярной мифологии стало оспариваться лишь в начале XX века. Именно тогда появились такие понятия как «фактичность» (что некоторые сказанные в мифологической форме вещи вполне могли быть и фактом сознания, и реальным историческим фактом), возникла программа уже методической «демифологизации» Библии Рудольфа Бультмана, где за некоторыми «мифами» раскрывались типы проповеди и особые типы истинных высказываний о Боге, а не просто признания всей Библии истиной в оболочке сказок, которую надо поскорее отбросить.

Articulus fidei (лат.) – положение веры.

Умозрительная философия религии приносит религию в жертву философии, христианская мифология приносит философию в жертву религии. Одна делает религию игрушкой спекулятивного произвола, другая превращает разум в игрушку фантастического религиозного материализма. Одна заставляет религию говорить только то, что она сама делает; другая принуждает ее говорить вместо разума. Одна